

НА УКРАИНЕ, У ДИКОГО ПОЛЯ

(Отрывки из повести Вячеслава КОЛЕСНИКА.
Продолжение. Начало в № 10)

4. СВОЯ ИЗБА

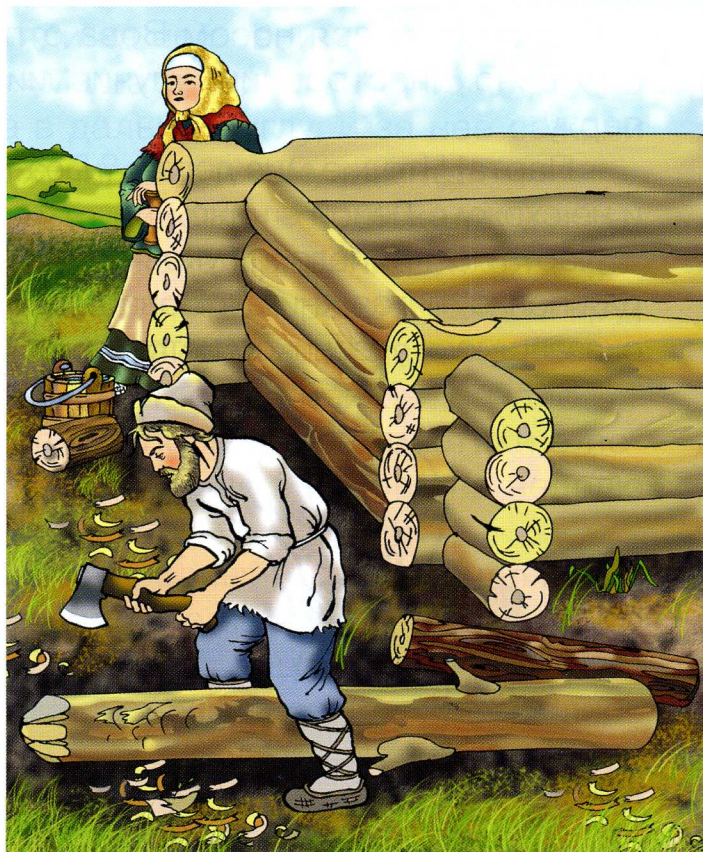
Через неделю с помощью Данилы и Кирея срубил себе Авдей избу – не хоромы, конечно, но жить можно. Фетиска, взобравшись на высокий дуб, поглядывал по сторонам – не видать ли татар. Гаврилка с сыновьями Данилы и Кирея, Мишкой и Митькой, оттаскивал сучья и ветки от поваленных деревьев, помогали втаскивать брёвна на верхние венцы сруба.

У Анютки появилась подружка – пятилетняя Настя, дочь Кирея. Домница легко и быстро сошлась с бабами – те ей на первых порах помогали дельными советами, продуктами. Домница-то была хорошая хозяйка, домовитая, да явилась сюда, считай, с голыми руками. Когда бежали, прихватили с собой муки маленько, сухарей торбу да кусок ржавого сала – вот и всё. А мужики топорами за день так намашутся, что казан каши съедят и ещё попросят...

– Тут недалече город есть, – рассказывали Домнице бабы, – Белгород называется. Там в торговых рядах много чего можно купить, да мы не часто туда ходим, у нас ведь тут почти всё своё – рыба, дичина, мёд. А вот муки, соли – этого нету, это надо покупать или выменять на что-нибудь.

– А деньги где взять? – поинтересовалась Домница.

– Рыбу ловим да на торг возим, – пояснила Марья, Данилова жена. – Ещё охотой промышляем, мясо возим на продажу. Посадские чеботари, кожевники, бондари всё разберут. Сами-то они на охоту не ходят, землю не пашут, а знай себе рукодельничают, всегда при деньгах. У них и выменять чего-нибудь можно. Вот как немного обустроитесь, наловит твой Авдей рыбы и – дуй себе на базар. Перво-наперво соли купите, бочку у бондаря...

Рисунки Станислава ЧЕРНЯЕВА

5. НА ТОРГЕ

Людно, сутолочно было в этот воскресный день в торговых рядах. Гаврилка никогда в жизни не видел ещё так много людей в одном месте – рос-то в деревушке. Да и у Авдея тоже закружилась голова от такого многолюдия. Тут тебе и шорники, и гончары, и чеботари – ремесленный посадский люд, каждый нахваливает свой товар. Были тут и заезжие торговцы. У тех товар показистее – ленты разноцветные, яркие, шелка азиатские, сукно добротное, колечки, серёжки, перстеньки золотые... Посреди торга веселили народ скоморохи-игрецы, гусельщики.

Авдеева кадущка опустела довольно быстро, большую часть улова он продал, остальную рыбу поменял на большую глиняную корчагу.

– Тять, а тять, – дёргал отца за рукав Гаврилка, – ты не забыл про соль? Маманька соли наказывала купить.

– Купим, купим соли, – отвечал Авдей. – Опосля гвоздей и овса. А ещё скобы нужны, долото. А денег-то у нас не шибко много...

– Так надоть было рыбы нам поболее наловить, – рассудительно сказал Гаврилка, – тогда и денег был бы полный карман.

Улыбнулся Авдей:

– А рыбу-то мы с тобой в чужой кадке сюда везли. Вот и получается, что и кадку нам надо купить, чтоб своя была.

Пошли к бондарям, стали разглядывать кадки, прицениваться. Гаврилка тянул отца в одну сторону, Авдей глядел в другую – что толку разглядывать товар, который не по карману? Подумал он, подумал да и купил у бондаря пятиведёрный бочонок – хоть и поменьше соседского, с которым явились на торг, зато свой будет. Гаврилка открыл было рот – не то ему хотелось, однако отец уже шёл к скобяному ряду. Купил там десяток гвоздей, а тут и деньги кончились.

– Ну, Буланка, извиняй, – усаживаясь на телегу, обратился к лошадёнке Авдей, – на овёс денег не хватило. Так что – проживёшь пока на травке. Тем более плуг да борону тебе не таскать. Без натуги, чай, живёшь... Ну, трогай!

6. ПОХИЩЕНИЕ ФЕТИСКИ

Не доезжая с полверсты до своего лесного хуторка, услышали вдруг Авдей с Гаврилкой крики.

– Господи!.. – перекрестился Авдей. – Не татары ли?

Ударил коня вожжами. Затарахтела повозка по ухабистой неторной дороге навстречу крикам.

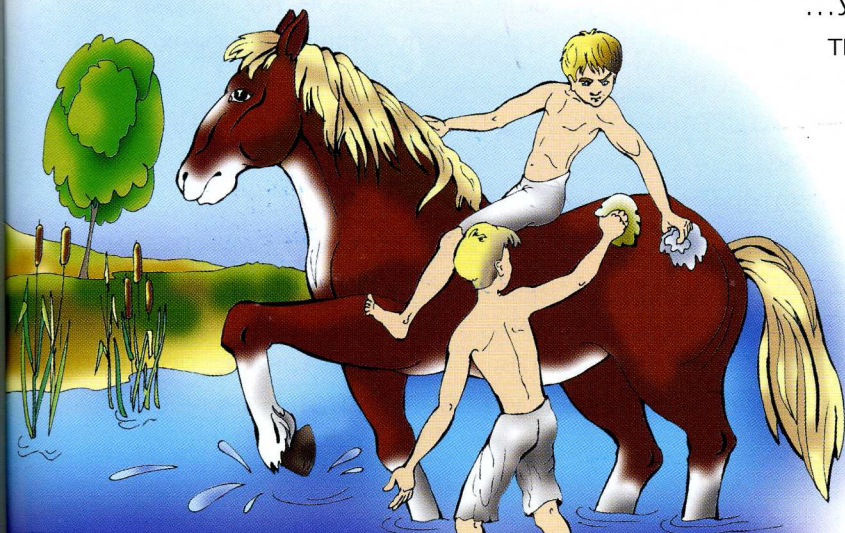
– Фетиска-а! Фетиска-а! Где ты? – наконец явственно различилось.

У Авдея ёкнуло в груди. Оставив в зарослях Гаврилку – «Сиди тут, не высовывайся!» – взмахнул Авдей кнутом, помчался, гремя кадками, в сторону хуторка.

Через несколько минут он обо всём узнал.

Митька, сын Кирея, ещё с утра стал упрашивать отца, чтобы тот разрешил ему сводить Ласточку на Везеницу – день обещал быть жарким, не мешало бы кобылку искупать и напоить. Кирей разрешил: тринадцать годов парнишке, можно заместо себя куда-то и послать, хотя бы недалече, тем паче, вот уж как полгода с крымской стороны никаких набегов не было. С Митькой напросился и Фетиска. До берега было недалеко – не далее собачьего брёха, поэтому Кирей со спокойной душой отпустил мальчишек, однако предупредил: «В случае чего – орите во всю глотку и бегите домой».

...Услышав крики мальчишек, кинулись, схвативши пики, Данила с Киреем к берегу Везеницы. Но увидели только последствия татарского наскока. Лежала на земле с перерезанным горлом Ласточка – зачем татарам неповоротливая славянская кобыла? На взгорке, на противоположном берегу, стоял, свистя и гикая, небольшой отряд татар. Издалека видели Данила и Кирей у

одного из наездников большую корзину, притороченную к седлу, а в ней – мальчишку связанного... То ли это был Митька, то ли Фетиска – не распознали. Видели только, как, подняв пыль, развернулись степняки и мгновенно исчезли...

– А где ж Фетиска? – перебивая причитания и стоны Домницы, спросил Авдей. Молчал в ответ Кирей, молчал Данила.

...Так никто и не узнал, куда девался Фетиска. Ходили по прибрежным зарослям, звали, в лесу наткнулись на волчью лёжку – коли растерзан был бы зверями мальчишка, что-то осталось бы от него, хотя бы клочок сорочки. Однако не найдено было ничего. Так и порешили: полонили татары Фетиску вместе с Митькой.

7. ЗАТЕРЯННЫЙ СЛЕД

На следующий день Кирей подошёл к Авдею, объявил:

– Поеду в крепость, узнаю, какими путями можно вызволить из полону наших детей. Слышал я, будто бы из Москвы в Крымское ханство часто ездят наши посланники, государевы люди, для выкупа русских полоняников. Вот и узнаю, что да как...

Авдей тоже засобирился ехать, но Кирей его отговорил:

– Не надоть. Делай свои дела – у тебя их выше головы. Вернусь – обо всём расскажу. Взялся Авдей молча за лопату, принялся подальше от избы рыть яму – тайное укрытие для припасов на случай нападения татар.

Вернулся Кирей только к вечеру, обо всём, что удалось узнать, рассказал.

Ведает вызволением полоняников из Крыма посольский приказ. Чиновные люди из этого приказа едут в Крым, ходят по базарам, где продают-покупают невольников. При себе посланники держат особую грамоту, в которой поимённо перечислены полоняники, коих государство намеревается выкупить, договариваются с владельцами товара о ценах на людей. И в первую очередь в той бумаге прописаны люди, попавшие в полон, будучи на государевой службе...

– А такие, как мы, да наши дети? – с тревогой спросила Домница.

– Выкупают и таких, – отвечал Кирей, – только в последнюю очередь. Однако слушайте дале... Как о цене договорятся, тут же в грамоте всё прописывают, и тогда вертаются посланники в Москву. А уж Москва решает, сколько можно выделить на вызволение денег.

Покачал Авдей горестно головой:

– Покудова ту бумагу туда-сюда повозят, сгинут в полоне наши дети...

Кирей ничего на это не ответил. С минуту помолчав, сказал:

– Да ты попробуй-ка ещё в ту бумагу записаться. Кто мы такие?

– Не мухи же, – сказал Авдей. – Люди.

– Люди... – повторил задумчиво Кирей и продолжил: – Когда был я в крепости, видел на площади бирюча... Созывал он вольных людей, охочих послужить государеву службу. Прежде всех, говорил, надобны люди семейные, не склонные ко всяческим шатаниям. – Помолчав, спросил: – Ты как на это смотришь, Авдей?

– Не знаю, – растерянно отвечал Авдей. – Я ведь тут ещё место себе не нагрел...

– А я пойду запишусь! – решительно сказал Кирей. – Стану служилым человеком, а там, глядишь, и Митьку своего из полона вызволю.

– Дай-то бог, – сказал Авдей. – А я своего Фетиску сам попробую выкупить. Денежек поднакоплю да и подамся в Крым на поиски...

Была в сердце Авдея вера в то, что не затерялся сыновний след в чужих землях. Хотя затеряться ему в те лихие времена было проще простого. По дороге в Крым пленник мог умереть от жажды или сырой, тухлой конины, могли татары не поладить меж собой при дележе ясыря – в склоке порешить мальчишку. А может, купил его в городе Кафе богатый, пресыщенный наслаждениями хан – как знать... Мог он также, попав в

Туретчину и воспитываясь там в особых, суровых условиях, стать янычаром –

Из истории

Появление в конце 16-го века на южных окраинах Московского государства городов-крепостей – таких как Воронеж, Курск, Белгород, Оскол, Валуйки – лишь в малой степени смогло ослабить натиск татарских разбойничьих орд на Русь. Полностью же перекрыть пути вторжения неприятеля на Русскую землю эти города были не в силах. Поэтому в 1635 году в Разрядном приказе было принято решение строить на Поле не отдельные города-крепости, а сплошную защитную линию укреплений. После разведки и рассмотрения различных вариантов в 1636 году между верховьями рек Воронежа и Цны возвели Козловский земляной вал – многокилометровую непроходимую полосу укреплений, а в 1637 году Боярская дума приняла решение соорудить сплошные укрепленные линии обороны поперёк Муравского шляха, Изюмской и Кальмиусской сакм – главных путей вторжения татар на Русскую землю.

Но, учитывая сложность обстановки того времени – непрекращающиеся татарские набеги, оскудевшая после годов Смуты и польско-литовского вторжения государственная казна, – осуществить сооружение намеченной защитной черты быстро не удалось. Были возведены лишь небольшие по протяжённости, не соединённые между собой отдельные участки обороны.

Однако после страшных, опустошительных вторжений ногайцев и крымских татар в 1644-45 годах Московское государство вынуждено было значительно активизировать свои действия на юге. Начиная с 1646 года, сравнительно быстро, в течение нескольких лет, разрозненные укрепленные участки были соединены в сплошной неприступный рубеж, названный Белгородской чертой.

9. ВОИНЫ-СТРОЕЛЬНИКИ

...И вот огласились берега Везеницы человеческими голосами, стуком топоров, ржанием коней. Стрельцы, казаки, пушкари, драгуны из многих городов пришли сюда, чтобы возвести на новом месте крепость с земляными валами.

Это были «сведенцы» – служилые люди, переселённые сюда не по своей воле, а по решению правительства. «Сведенцы» делились на служилых людей «по отечеству» (они несли службу как наследственную повинность, по своему происхождению) и служилых людей «по прибору» (вербованных правительством из ратных людей низших разрядов).

Среди переселенцев были также «вольные охочие люди» – добровольно покидающие родные места крестьяне.

В Белгороде по воскресеньям, когда на торге собиралось множество народа, кричали бирючи во всю глотку:

– Люди православные, вольные, посадские, гулящие! Не надоело ли вам всечасно жить в тревоге, ожидаючи татарских набегов и разорений? Не надоело вам плакать по угнанным в рабство родичам? Кому надоело – подходи сюда, записывайся в государеву службу, потому как не хватает работных людей для строительства заслона надёжного от поганого племени. За службу обещает государь денежное и кормовое жалованье, а також наделы земельные и сенокосы...

Авдей с Гаврилкой (они были тут, продавали дикий мёд) подвинулись поближе к бирючу.

– Запишусь и я, – сказал Авдей решительно. – Невмоготу стало жить от этих татаровей...
Всем записавшимся велено было наутро собраться здесь же, на городском торге. «А вольным, по лесам обитающим людишкам, – объявил бирюч, – можно приходить сразу к месту: в десяти верстах отсюда, на Везенице, начато по указу государя строительство новой крепости».

Явившись домой, поведал Авдей Домнице о своём решении. Та ни слова поперёк не сказала, только покачала головой:

– Строили, строили себе гнездо, и вот опять – на новое место...

Авдей со своим семейством к тому времени оставался в лесу один. Кирей ещё семь лет назад ушёл в Белгород – разобрал по брёвнышкам свою избу, там, на новом месте, её собрал. Данила же, слышав о том, что Московское государство со своими порядками скоро будет здесь, подался на Дон. Уходя, сказал Авдею: «Воли я хотел и хочу. Избу свою завещаю тебе. Хошь, сам в ней живи, а не хошь, как хошь». Авдей избу трогать не стал – вдруг вернётся Данила, мало ли чего... Зимой держал в ней козу с козлятами, кое-какой инструмент, частенько строгал там, пилил.

И вот теперь с трудом налаженный жизненный уклад вновь менялся...

10. КРЕПОСТЬ НА ВЕЗЕНИЦЕ

С утра до вечера кипела на берегу Везеницы работа. Валились с треском вековые дубы, рылись глубокие рвы, вырастали на глазах земляные валы, бревенчатые башни и стены. Суетились, ровно муравьи, люди. Суетились – со стороны если поглядеть, вроде бы бестолково, но на самом деле – каждый знал своё дело.

На воеводском дворе, куда с утра пораньше прибыл Авдей, уже толпились десятка три мужиков – с виду такие же, как он, вольные лесовики.

Вышел на крыльцо воевода.

– Скажу сразу, – возвысив голос, сказал воевода, – что мне доподлинно ведомо о том, что среди вас есть немало разбойничков, бежавших сюда от правого суда...

– От правого ли?.. – слышался из толпы глухой голос.

– Для меня это не суть важно, – сказал воевода. – Да и государю, в общем-то, сейчас не до ваших грехов. Сейчас главное дело – землю нашу русскую от татарвы понадёжней заслонить. И ещё одно вам скажу: два дня будете на валу работать, два – в поле караул держать. Одним словом – и вояками будете, и строельниками. Вот так-то.

И тут же прямо с воеводского двора отправили всех их на вал.

Авдей был определён к стрелецкому десятнику, который, недолго думая, выдал ему большую плетёную корзину, сказал:

– Вон, видишь, яма? Подбери себе напарника, будете оттуда таскать глину, обмазывать ею вал. Как глина маленько подсохнет, скажу, что делать дальше.

Два дня таскали Авдей с напарником, мужиком из-под Орла, тяжёлую корзину, обмазывали глиной склоны земляного вала, затем жгли на валу костры – чтоб глине придать крепость.

– Тять, возьми меня завтра с собой, а? – попросился как-то Гаврилка. – Мне-то уж скоро семнадцать годов!

– Возьму, – отвечал Авдей. – Прямо завтра же.

И наутро представил Авдей сына десятнику:

– Вот, привёл работничка.

Десятник пристально поглядел на невысокого, крепко сбитого паренька:

– Сколь годов-то тебе?

– Восемнадцать.

Десятник обернулся к Авдею:

– Не брешет? – Затем подошёл к Гаврилке, двинул его, шутя, кулаком в плечо.

Гаврилка с места не сдвинулся, набычился:

– Драться не надоть. А то...

– А то что? – засмеялся десятник. И тут же серьёзно сказал: – Доложу воеводе, что беру тебя к себе, в стрельцы. Но придётся тебе пока без пищали государю-батюшке послужить. Лопатой повоюешь. А нагрянут татары – найдётся и для тебя ратная работа.

Так Гаврилка с отцом стали новоприборными служилыми людьми.

Рядом с крепостью как грибы после дождя стали появляться избы служилых людей. Селились отдельными слободами – стрельцы, казаки, пушкари, драгуны. Начинали распахивать полученные от государя земельные наделы.

Авдей разобрал свою лесную избушку, перевёз брёвна в Стрелецкую слободу, на новом месте собрал её.

А ближе к осени (всего за каких-то четыре месяца!) город-крепость и вал были в основном готовы. Неимоверно трудным и опасным было это строительство. С оружием в руках приходилось возводить и укреплять огромные земляные валы, копать глубокие рвы, выполнять плотницкие работы.

Сейчас, мысленно возвращаясь в те далёкие времена, трудно даже представить себе, что все эти сооружения были сделаны вручную и за такой короткий срок. Приходится удивляться выносливости и мужеству наших предков, их необыкновенному терпению. Что же двигало этими людьми, что придавало им сил? Ответ может быть только один: всеобщий народный гнев против татар-грабителей и понимание нужности и важности выполняемого дела.

Из истории

Город Болховой (впоследствии это название вытеснилось более удобным в произношении словом «Болховец») как самостоятельная крепость в системе Белгородской черты был построен в 1646 году. Крепость находилась на северной стороне реки Везеницы, там, где в неё впадал Болховой Колодезь (ныне речушка Искринка).

Болховец был одновременно и земляным, и деревянным городом. Его окружал земляной вал, с внутренней стороны которого была установлена деревянная острожная стена. Город имел семь башен: четыре глухих и три проезжих. Из крепости к Болховому Колодезю был прорыт тайный подземный ход – им пользовались во время осады. Также этот ход использовали воеводы и их ближайшее окружение во время бунта служилых людей, поэтому о существовании «тайника» знал очень узкий круг лиц.

Служилые люди получали в поле земельные наделы: казаки и драгуны по 10 четей (четыре составляла около половины гектара), стрельцы, пушкари, воротники – по семь четей. Но земледелие здесь развивалось слабо, поскольку земля выделялась «за валом, на Крымской стороне», а это означало, что люди, работавшие в поле, постоянно находились в опасности, особенно в дни жатвы, когда татарские набеги случались наиболее часто.

Продолжение в следующем номере.

Ответы на кроссворд «Литературный жанр» (№ 10 за октябрь 2019 года):

По горизонтали: 1. Лев. 5. Металлург. 7. Суп. 10. Грамота. 11. Комар. 13. Осло. 15. Лёд. 16. Финал. 17. Ил. 18. Мария. 21. Садко. 25. Ан. 26. Вертолёт. 27. Рать. 28. Паркет.

По вертикали: 1. Лес. 2. География. 3. Барабан. 4. Арба. 6. Леопольд. 8. Помидор. 11. Калым. 12. Вол. 14. Лимон. 19. Арена. 20. Исток. 22. Астра. 23. Карта. 24. Плут.

Ключевое слово: фантастика

